

Н.Ф.Б.

Ars moriendi

Николай Болдырев

Ars moriendi

Книга стихов

*

Из Готфрида Бенна

Студия Единорог

2024

УДК 882-1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5
Б79

Болдырев Н.Ф.

Argi moriendi. Книга стихов. Переводы из
Готфрида Бенна. - Челябинск: Единорог,
2024. - 136 с.

Чтобы сориентировать читателя, назовем три книги
Николая Болдырева из многих: "Пушкин и джаз",
"Жертвоприношение Андрея Тарковского",
"Последнее средневековье Райнера Рильке".
Упомянем и тот факт, что в 2014 году он был удостоен
Бажовской литературной премии в номинации
"Поэзия". Нынешнюю, одиннадцатую по счету,
поэтическую книгу автор издает *на правах рукописи*,
субъективируя некие процессы, к эстетике
воздействия на других едва ли имеющие отношение.

Философия есть

искусство умирания.

Платон

Мы участвуем в творении мира,
занимаясь
рассотворением самих себя.
Симона Вейль

Свобода от известного есть смерть.

И только тогда вы живете.

Кришнамурти

Спросил и Иаков, говоря: скажи мне имя Твое?

И Он сказал: На что ты спрашиваешь
о имени Моем? Оно - чудно.

(Бытие, 32, ст. 29)

Ars moriendi

Часть первая

* * *

Когда-то ты еще был не собой...
Но разве ты собой когда-то был?
Ты пробовал когда-то быть совой?
Печною дверцей, дымом и трубой?
Ты пробовал когда-то быть окном,
кустом малины, лодочным веслом?
Ты был столь многим, только не собой.
Ты был рекой, однажды был горой,
ты мохом был в болоте как-то раз,
ты был конём, когда коней ты пас.
Ты был внимателен до судорог в груди.
Но сам ты кем был: впереди ни зги
ты не видал, а позади - ничто
тебя теснило молнией листов...
И вот тебя втолкнули: будь собой!
А ты стал тих и скрытен словно тать.
Как страшен человек: то волчий вой;
и ходят они скопом и гурьбой.
Никем из них не захотел ты стать.
Ты погрузился в дерево в себе,
струясь по жилам не в своей судьбе.

29.11.2021

* * *

Все кто жили - те с нами, конечно.
Пусть не все они жили безгрешно,
но безгрешными были портные,
кузнецы и поэты хмельные,
землемеры, крестьяне и швеи
и строители, вытянув шеи
высоко, чтоб стропила увидеть.
Дом рубили: о воздух бы выпить!

Мы вдыхаем всю влагу ночную
всех веков, где с рожденья кочуем.
Отчего же так больно под утро?
Отзвучали молитвы и сутры.
Дождь стал пуст и не нужен дорогам.
И не виден божественный локон.
И не ждут никого жерла окон.
Поднимается сотый этаж
сквозь туман, где звучал "Отче наш".

29.01.2022

* * *

Всё неизвестность, чтоб ни тронул ты.
Кто ты? - в лугах кричат тебе цветы,
и ты всем пузом изучаешь их.
Ты их имён не знаешь, страшно тих
их разговор с тобою с ранних дней,
когда ты был в плену дерев теней,
когда лежал и трогал их щекой,
когда ты был никем: то облака рекой,
то абсолютно никакой пургой,
жучком ты был, таинственной тоской,
чтоб вдруг однажды стать обузданным самцом
и колесом, и сном, и слов ловцом,
и перестать быть неизвестности гонцом.

18.03.2021

* * *

*Смерть вплетена в существо жизни.
Рильке*

Когда б не так, то как бы мы здесь жили,
теснимые в неведомое нечто,
в пустую пустоту, где зеро вечно,
где смысл нам никогда б не приоткрыли.
Мы изначально здесь цветом в живой могиле.

А чтоб еще сказал нам нежный Бог,
вдувая в ухо весть, что вся без края?
Он в клетки нам вложил инстинкты Ада, Рая
и лучшего придумать он не смог.

Не захотел? Не смог! Сомнения все прочь!
Вот тайна, до которой не добраться.
И если б ты сумел Ему помочь,
вот это служба бы была, не правда ль, братцы?

Доделать дело Бога - вот в чем тайна.
Доделать дело Люцифера - не вопрос.
Ведь кто-то же в тебе до неба рос,
таинственно шепча необычайно.

14.01.2024

* * *

О, даль архивная, туман из грешных книг!
Как мы бежим,
 страшась остановиться и отстать,
наедине остаться
с бездною прозрачности во все концы.

Кто ворожит, кто сторожит в нас вечный миг,
кто не дает нам
 из мгновений рухнувших восстать,
увидеть синь ворот, куда стекаются гонцы?

* * *

Рассвет питает очерк фонарей.
Как пуст и чист вселенский околоток
птенцов в распахнутости их бездонных глоток:
то час художника вдали морей.

И крошечная роща возле поля.
И проповедь отпущенных полей.
И жизнь, прожитая почти без боли,
без той, что всех страстей больней.

Пуста тропа в березовом ущелье.
Ноябрьские дожди заволкли
небес серебряных то хаос, то похмелье
и вновь тоску, ту древнюю, зажгли.

Ноябрь 2021

* * *

Бальтюс, пишущий мемуары

За краской краску здесь кладет не гений,
а кто-то кто рукой его танцует,
кто гибельно на краешке волхвует
и смерть вливает в млечность светотеней.

Кто слишком человечен, тот лишь тленен,
он краски движет брэнною рукою,
он повторяет жесты томной лени,
не видя бури за рекой покоя.

Но тот, кто за спиною, далью вечен,
он видит умбру, охру древним оком.
Порою он отчаянно беспечен,
порою строг как черный грохот рока.

Он трудно извлекает свет из мрака,
из нашего тончайшего батиста.
И ангел кормится с холста его без страха,
когда он на пороге боли чистой.

Пока он на пороге между-между,
пока он сам не знает - лес он, камень?
Пока он не оставил все надежды,
уже охваченный отцовскими руками.

11.11.22

* * *

Звезда Полынь, упавшая внезапно,
мне море моей жизни отравила.
Пошли по телу моря злые пятна...
О, сердце Тютчева, напрасно ты любило!

Приманками, заманками, тщетою
фонтанов остроумия и страсти
могло ты быть приближено любою
к той глубине, где нет земного власти.

О безответность! Горечь так полынна.
Что страсть взаимная? Не катастрофа ль?
Где Бог, там безответность так невинна.
Что безответней было, чем Голгофа?

* * *

Календарь мая обрывается
на 21 декабря 2012 года

Почти семь лет
как совершился обещанный
Конец света.
Семь лет, как свет
уже совсем другой.
Над Гималаями и над тайгой,
куда бы ни пошел ты, человек,
Давно истаял ты, как сто путей,
как древний грек,
истаявший для нас
в тени искусства.
Но без искусства
не было же греку пусто.
Оставил грек нам кокон,
грудю мнимо-тел,
а сам, став бабочкой,
бесследно улетел.

13.12.19

* * *

После прочтения "Долины Иссы",
"Земли Ульро" и "Хроник" Ч. Милоша

Поэты очень много ставят на слова.
Но быть может самое важное
и самое таинственное происходило
вне метафорических сетей
и кокетливых экзерсисов.
Вне якобы страстного фехтования
бесплотными символами.
В чем воплощал себя
ближний, живший молчаливо,
но гениально?
Внимательнейший к безмолвию.
Тот, кому так завидует умирающий поэт.
И с чем же прощается старый поэт
Чеслав Милош?
С телом или со словами?
Или с чем-то, что не уложилось
ни в то, ни в это?
С тенями тех уже истлевших женщин,
чьи ароматы в нем еще остались,
или с пыльцой крылечка детства?
Или с чем-то,
чему не уместиться в памяти столь грубой
и столь вещественной и смертной?
Растерянный и потрясенный он умирал,
не зная, кто он и зачем
и для чего сюда на самом деле послан.

14.02.2021

* * *

Нельзя быть где-то,
если ты не здесь.
Лирические формы?
Гром и небо.
И в ноумен укрытая трава.
И поцелуй,
еще совсем в наброске.
Ты начинаешь день,
когда он сплошь закончен.

* * *

А может быть, я просто некий жук,
в кого заходят иногда послы и воры?
Прозрачны ужас, оторопь, испуг.
То падаю с горы, то лезу в горы.
Не успеваю ничего понять,
попытки эти просто смехотворны.
Едва успею что-то здесь обнять,
как смерть поет в свои тугие горны.

* * *

Как жаждешь вновь невероятья,
немыслимого объятья,
всколыха душ.
Проникновенья,
где рай жары и адство стуж
вступают в сговор всепрощенья.
О, только бы не умереть,
но стать звучащим в этой связке!
Как мчит нас конь, как млечна степь.
Как дно души укрыто в сказке!
И эту жажду стать другим:
самим собой, где ангел в силе,
ты носишь в сердце словно гимн,
где боги недр нам гнезда свили.

* * *

Андрею Таврову

Плоть мира никогда не угасает.
И даже когда всё - сплошная боль.
Восторг нас из себя в себя бросает,
скрепляя миллионы нитей воль.

Шагай, поэт, но только не для слова,
не для ристалищ лиц хмельных.
В тебе огонь горит, неведомо и ново
и бьет тебя старинный миф под дых.

То Дионис скользит над кручей жизни.
Он вечно юн: от Кайласа до Анд,
от греческих менад до слёз Ассизи, -
ввергает в молчь ночь мира музыкант.

* * *

Жизнь, сплошь утаенная от себя самой.
Не доискаться до нее, не достучаться.
Колеса вертятся, мелькают спицы, мчатся
дома и улицы и лица, боже мой.
То водопад, а вовсе не ручей.
Сверкает радуга в слепящем сне очей.
Там сто романов можно бы сверстать,
но только буквы успеваю сосчитать.
Холмы качаются, осколки городов;
там кто-то трогает огни моих следов.
И кто-то с кем-то обсуждает мой мотив.
А я забыл его, на волю отпустив.
Так всё ушло: всё не со мной, но там.
Всё разбрелось по кущам и лесам.
И вот уже почти совсем я пуст,
как онемевший в водопаде златоуст.

* * *

Легко сказать, что истина не в Боге,
что корневище мира - мелкий случай.
Туман из слов - лишь водопад горючий,
и всё теряется в глубоком смоге,
в красивых подтанцовках сквозь пустотность,
где всё сверкает ядом остроумья,
и миром правит плоть, её бесплодность,
её бесследность и бесповоротность,
и блеск ума, хранящего безумье.

Когда и от чего ты оторвался?
Куда летишь как шарик кем надутый.
И с одиночеством когда ты повенчался,
вновь до души раздетый и разутый.

16.09.2022

* * *

Только без слов что-то ты скажешь,
только без слов.
Музыка речи только не в звуках.
Всё богословие мира - знак апостроф.
Сердце рождается в страхах, восстаниях, муках.

Не в сладострастии чрева высшая страсть.
Сильные ищут потешить своё омраченье.
Что-то нас снова объемлет: то древняя власть
нас развернуть и направить
в ручей возвращенья:
звук беззвучным промыть
наше око отшельника.

* * *

Вот кто-то сочинить себя собрался.
Как он просторен, будущий роман!
В нем столько ситуаций, лиц и стран,
сближений с сутью, плюс печаль дистанций
и всё перекрывающий туман.
Какой простор, чтоб всё прошить блаженством
касаний, лиц сияющих и мест,
трудов недюженных, чреватых совершенством
отдельных нот; но где ж мелодий свет?
Они упущены, ты - хилый сочинитель.
В конечном счете твой роман - пустяк,
банальный хаос - вот романа житель,
вплетающий судьбу твою в растяг
сворованных сюжетных нерволиний,
чтобы глупец-читатель похвалил.
Но твой читатель - Бог, творец и букв и скиний,
он сам тебе перо и краски подарил.

31.01.2022

* * *

А знал ли я того, кто выше речи?
Я помню эти вечера на склоне детства.
Он в мундштуке своем часами что-то слышал.
В горах он слышал таянье снегов,
хотя до них двенадцать километров,
и чувствовал он всё, что жизнь в меня вложила,
хотя я этого не знал; так годы шли,
и взглядом мы встречались,
печалились иль просто восхищались.
Два-три словечка, но ценнее их не слышал
с тех пор я и конечно не услышу.
Когда и где он в переулок вышел?
Ушел ли в землю или в горы его дух?
Неведомо. Но вечен его слух,
которым я питаюсь потихоньку,
стирая пыль словес с зеркал своих легонько.

4 августа 2021

* * *

О молнии молнийной
огнь и страсть!
Безмысленно молнийно
в жизнь упасть
и растворяться
в медленной траве,
как в пенье смыслов
вышитой канве.
Карикатуры нет
в сплетенье гроз,
ведь кто-то же тебя
сюда принес.
Мы - приношенье
или же прорыв?
Не смертью ли познанья
нерв в нас жив?
Утайно утекает
наша честь.
Как обезличенно
всё то, что есть.
Как бездоленно
сердец сродство.
Миг пониманья - дух,
но где же вещество?
Дух вещества -
познания экстаз.
Тишайше восходя,
не открывая глаз.

* * *

Сплетенье слов, характеров и снов
дает особую тревогу
не думать о конце.
Но и начало неподвластно мысли.
Мы просто вышли
свой найти улов
как память об отце.
Нас ищет
или ищем мы?
Не угадать.
Плывем мы в толще вод.
Нам предназначено
пронзительно устать,
закат вонзив в восход.

* * *

Попробуй даже удивить
кого-то перед смертью,
не скажет ничего
о смысле своего
дремучего заглота.
Коснется сути он своей
чуть-чуть попозже;
испепелённа плоть его,
но сам он где-то вне поверий.
Он где-то в промежутке
сладостном почти и жутком,
он - вне законов,
вне всего, чему его учили.
Он - в пламени холодном,
он в дремучести совсем иной,
в совсем иных потоках.
Уже догадывается он
о тайне иномирья,
о детскости
всех шалостей земных,
о бесполезности
карабканий на пирамиду.
Но ничегошеньки он никому
уже не скажет:
как точка малая,
земля под ним уходит.
Он в переплаве весь,

он весь - не с нами.
Он понимает вдруг,
что не был никогда с людьми,
но он не знал,
что это было так,
что жил он вне потока.
Он слушает не музыку уже,
а что-то,
что называть землянам
не нашлось зона,
на что лишь робко-робко
глаз они косили.

* * *

О это око, око, око, око.
Пускай оно поднимется высоко.
Бессмысленно бессмыслицей укрыться.
Уже не можешь ты куда-то длиться...
Прорвись в себя стремительно шагами,
укройся там волшебными стенами
от чудища, которое с рогами.

* * *

Что музыка вдруг трогает в тебе?
Ты можешь ль знать?
Бетховен в фортепьянной и последней
сонате побуждает тебя ждать
вселенной суть, не сердца бредни.
Космологический узор тревожит слух
еще не нетронутых твоих артерий,
где с пирамид взлетает ввысь петух
и в доме юности крадутся в сени звери.
Ты понимаешь то, что понимать
никак нам по рассудку невозможно.
Мы к гулу крови приникаем осторожно,
но не пытаюсь палимпсесты прочитывать.
Томит нас в музыке лишь первый древний слой,
нас чем-то несомненно искушая,
мгновений пустотою поражая,
как будто ты мертвец, хотя еще живой.

* * *

Тамаре Меженовой

Иератически дышать,
давая плыть в себе пределу,
натягивая неба шаль
на рожицы нагое тело.

Ты кто, когда лежишь в траве,
когда кусаешь плоть травинки?
Колышутся меж глаз былинки.
Земля прильнула к голове.

Ведь кто-то же в тебе живет.
Бог обонянья дан нам свыше.
Тобою кто-то воду пьет
и кто-то дышит, дышит, дышит...

14.08.2022

* * *

Мы в нашей иллюзорности пусты.
К реальности - начатками мосты.
Летучие и тонкие как снег,
как одуванчик, как мерцанье рек.
А впрочем, еще тоньше и слабей,
как тихая синица, воробей;
еще слабее: как куржак весной,
как долгое стоянье под луной...
Ты призречен, и это знаешь ты,
ты это чуешь, видя с высоты
как неуверен и бессмыслен шаг
и как отчаянно бросаешь в воду сак.
Реальность ты не вытацишь, ты пуст,
покуда не коснешься тайных уст.
Но что это такое, где предел
лишь естеством касаться тленных тел?

* * *

Не отдавай себя словам,
они тебя замкнут как в замке,
но не в старинном, не под сводом
гулкости веков.
Твои останки будут столь высокомерно жалки.
Слова тебя съедят, в тщеславия вогнав альков.
Останься сам с собой, с деревьями,
не с именами,
с цветами, но без их имен,
с предметами без всяких шор,
не ройся в филологии замшелом
и вонючем хламе,
живи между событий так, как между гор.
Мир открыт, не закрывай его
коврами и забором.
Не принимай всерьез скрипучих слов навоз.
Питайся тишиной ума, не хором и не ором.
Мир разве не омыт потоком рос и слез?

16.08.2022

Два мотива И-цзин

63

Наступает конец превращеньям.
Чуть скрежещут колеса во мгле.
Наступает конец обольщеньям,
бликам ликов и светотеням,
многослойного сна отраженьям...
Вдруг ты видишь себя на столе.
Свое брненное, стылое тело.
Сам ты плач по нему сотвори.
Оно зрело, столь медленно зрело
и ушло вглубь вечерней зари.
Все же сам ты еще здесь тихонько.
Предок твой благородный не спит.
Он коней погоняет легонько.
Нет, он путь направляет не в скит,
а в страну, где святые и бесы,
где идет превращений игра.
Ну, а ты далеко уж за лесом,
за холмом, за границами пьесы.
В новый мир превращаться пора.

64

И все ж не торопись, притормози колёса.
Уверен ли, что прыгнул сквозь туман?
Уж слишком высока цена вопроса.
Ты жив как прежде, не поддайся на обман.
Великая река - вот что перед тобою.
Ты сам - она, ты сам перед собой.
Переходи ж её настойчиво, не стой,
всю обзри её всерьез, а не мечтою.

Прорваться сквозь себя - вот суть конца.
Себя перерастить - какое благо!
В тебе рождается тогда моленья сага
и начинается прозрение Лица.

* * *

На озере Еловом я был совсем не словом.
И если в лодке был, то - не веслом.
Я чувствовал лягушек,
я с ними бил баклуши,
и был быть может чуточку ослом,
Франциска понимая втихомолку,
и в озеро входил как в детстве только,
и лес меня ласкал, не бурелом.
И почему так было, понять мне очень хило.
Я только нынче дух тот райский ощутил.
И что там в сердцеvine,
чего давно нет ныне?
Какой избыток в сердце моё бил?

16.08.2022

* * *

Когда мы постигаемы сверхсловом,
тогда оно ведь нам уже не нужно.
Мы за пределами поры недужной,
мы зачинатели поры ob ovo.
Те корни, что когда-то нас впускали,
нас снова беспримерно забирают;
мы встретили того, кого искали,
мы снова между пропастью и раем,
в том месте, где свободны мы от знаков,
от логосов бесчисленного тщеславья,
и путь наш непосредственно инаков,
вне натисков и завистей и страхов.

18.07.2021

* * *

Я выкарабкиваюсь, да, я выкарабкиваюсь
из шелухи объятий мира, сплошь из кожуры.
Бред осыпается и остается явь.
Когда бы на зон случилось раньше,
тогда б душа могла успеть восстать
из пепла пережитых поражений.
К чему бессмыслица пустынных ублажений,
когда есть сверхъестественная статья
прислушиваться к голосу близ ветра,
вдали от вен и гудов, кликов и машин;
не к естеству ты льнешь уже - к адепту спектра,
где морем дышит таинство морщин
всевышнего бессрочного порядка,
где дан тебе рождением высший чин
и невозделанная маленькая грядка.

31.01.2022

* * *

Кто изощрен? Конечно не язык.
Он к простоте и чистоте стремится.
А если кто действительно столик,
то это жажды нашей бешеная птица.
Неутолимая, нас разрывает прочь.
Так яблоневый сад корежат самолеты.
Спасительна чуть-чуть: растительная ночь,
келейно ткущая душевные длинноты.
Кто изощрен? Не сердце; что уж там
придумывать печальные изыски.
Не в нем алчба и ярь, не в нем фантазий гам.
Изощрено в нас то, что сочиняет книжки.
Изощрена в нас состязанья прыть
и мозговая скорость тараканья.
И мы теряем путь и мы теряем нить
и тонем в изобилиях изгнанья.

21.11.2020

* * *

Герои, полубоги жили смело,
сходили с поезда в разгаре утра.
Они легко меняли своё тело
на новые уста, где пела сутра.
Они так яро проживали миги,
что донышко небес в них ощущали.
В одной странице слышали все книги
и заприродными пейзажами дышали.
Вот почему мне не догнать их шепот.
У нас различны скорости движенья.
Мой миг укрыт покровом наслажденья,
они ж струят сплошной межмирный опыт.
Что все слова, что искры вдохновенья,
когда в ушах их конниц бога топот.

Какое мужество и воля, чтоб не петь.
Ведь всё поет, и как нам удержаться
не воспевать сверхмерное богатство
существ поющих, идущих на смерть.

* * *

Долина скорби; где долина скорби?
Когда я мертв, то как могу скорбеть?
Вот если б провожал ты солнце воплем,
то разве можно было бы жалеть
твое напрасно выжатое сердце,
по пустыкам растраченное тут.
В твоей полярной ночи не согреться,
и нищие тебя давно не ждут
на перевалах, где гора и горе
сошлись. Здесь пропасти растут
в предчувствии восстания минут.

31.01.2022

* * *

Ты можешь что-то знать лишь о себе,
не о других.

Оставь заботу понимать другого.
Не осуди, но лишь взгляни внимательно на миг,
увидишь ты себя в оковах.
О, мы закованы, закованы в мороз
хрустящую, звенящую пылью
непостижимо нежных в нас прощальных звезд,
причастных к нашей нищете, не к изобилью.
Не осуждай и не суди: твой ближний сирота,
он обнажен перед секирой плоти;
готов он прыгнуть в вечность с этого моста,
где мы стоим на лезвии креста,
немые на последнем повороте.
Пускай он скажет о тебе словечко,
и не вскользь.

Ты только улыбнешься слабо.
Жизнь опрокинет вдруг на вас свой ковш
и хлынет смертная свободы лава.

1.12.2021

* * *

Мы говорим из чувства равновесья.
Достаточно порой одной фонемы,
чтобы в пейзаж войти подобно птичке
и осторожным стать при виде человека
и стать певцом, когда никто не слышит.
Постыдно петь для тех, чья боль - не наша.
Когда же рана есть, она едва ли
затянется словами, лишь молчаньем,
всей позабытой чистотою шепота природы,
когда твой слух внезапно станет древним.

Новый Свет, 3 июля 2022

* * *

Кем быть замеченным?
Скажи мне, кем?
Тогда ты и поймешь,
в чем суть рассвета.
Иди за незамеченным вослед,
иди за незамеченной в природе,
утраченной на том на повороте...
Ты должен вспомнить тот ненастный день,
когда вся незамеченность восстала
и хлынула и скрылась в твоём сердце.
Останься с этим; кем ты не замечен?
О, на ответ уйдет немало жизней.
Не надо торопиться и пугаться.
Что мрак тому, кто сам себе светильник...
А может быть замечен незаметный,
а может незаметное - на троне?
А может незамеченность есть солнце,
второе, называемое чёрным?
Всё явное едва ли стоит жизни.
Кто создал Землю, разве нам заметен?

22.12.2021

* * *

Тайна цвета уходит в туман,
мы окутаны им до дна.
Голубая планета Земля
и зеленая бездна-ждаль.
Желтый цвет испанских полей,
черный цвет непомерной тоски.
Пожалей нас, земля, пожалей,
не сжимай медным златом виски.
Медным златом виски не сжимай,
пожалей нас, земля, пожалей,
ты нас в пылкую желть обнимай,
опрокинь нас в священный елей
синей бездны, где шорох ресниц.
То Господь поднимает наш дух,
то цветы на лугу - сонмы лиц,
вознесенные птицею Рух.

* * *

Есть долгое прозрачное мышление,
оно не поддается переводу
на языки признанья и давления,
оно растет как сущее растение,
мы в нем вибрируем, предчувствуя погоду.

Мы в нем обосновались с первым вздохом,
мы каждой долей мыслим этим ритмом;
оно темно как царская молитва,
необъяснимо как любовь улитки;
опьянены мы только этим соком.

А этих соков миллионы может быть.
Мышление сквозь нас летит и кается.
А мы кричим: о боже мой, о боже мой;
не слишком ли легко здесь всё итожится?
Не слишком ли здесь всё дрожит и кажется?

Мы замерли в прозрачности истории,
которую не боги нам накликали.
Они в нас смотрят ужасом и ликами,
пожарами и таинствами-кликами
и нас сметающими дикими просторами.

25.07.2021

* * *

Есть человек. Он пьет вино,
он упивается закатом,
он в ссоре с матерью давно,
с отцом и с сёстрами и с братом,
с театром, с музыкой, с кино,
и с целым миром, и с цветами.
Он пишет год посланье ламе,
он смотрит медленно в окно,
и взгляд его в пространстве тонет,
а в сердце пустота и тишь...
Как страшно в медленном вагоне,
когда он пуст и ты летишь.

12.07.2021

* * *

Отверст как устье раковины рог.
Как кротко в детстве я смотрел на мир из клетки,
из паутины сада, из судьбы меж строк,
из тихо низменной земли, где гнулся ветер,
где был я так непостижим и одинок.

Как кротко притворялся я котом,
блуждающим по огородам,
рекой, чьи острова лежали подо мной.
Чириканием, сонатою скворца
и звездным сводом,
и сеновала духотою неземной.

Груз неизвестности сплошной
меня тянул куда-то,
а страх вгонял в непостижимость снов.
Я сам был странная между дерев соната,
где Хлебников моей судьбы
уже просматривал улов.

16.08.2022

* * *

Приснились три волхва.
"Не бойся, там ты будешь
всё тем же заниматься, что и здесь".
И я задумался: не вышел ли я весь?
Спросил себя: а что же здесь ты любишь?
И этот вопрошающий огонь
обжѐг меня как юности начало.
В чем суть любви? Где мѐд её, где жало?
И как звучит струна, которую не тронь?

16.08.2022

* * *

Лестница в небо.
Белый петух.
Как незаметно костер мой затух.
Окна погасли
и старый монах
ритм отбивает
палкой в кустах.
Музыка стихла,
ни звука в полях.
Дети забыли,
что в жизни есть страх.
Лето взошло
высоченной волной.
Скоро обдаст нас
последней зимой.

27.06.2021

* * *

Сонаты тиглей: плавка речевых эпох
и смысловых смещений: почти с подгузника -
в глубины мозговых извилин,
где приключениям с детства нет числа
и нет числа внезапным столкновениям,
касаниям всего себя со всем:
крылами, кожей, плачем и сопеньем,
всё в бой идет и в наслаждений кайф
и в хлад и в жар камней и утр и переулков,
где замерший стоишь ты два часа,
глаза вперив в какой-то древний фантик,
и женщина в окне, тебя не видя,
проводит в комнате свой самый лучший день,
она потом твоей женою станет,
но в жизни уже следующей, тихо,
ты выглядишь тишайше, но на деле
в тебе такие баррикады и бои.
В тебе такие тигли, ты ведь царь.
Ты это помнишь, но не помнишь царства,
и вот восходишь по бессчетным лавкам
старьёвщиков и ярых модернистов,
тыходишь часто в композиторские кельи,
где ловит маг летящие предметы.
Когда отпущен мозг, он сетью накрывает
каких-то рыб, которых ты не знал.
И это плаваньем зовется у поэтов
иль просто у людей, которых скука
когда-то позвала прорвать границу,
и это прорыванье стало смыслом,
который только в тигле можно видеть.

* * *

Уйти, уехать, исчезнуть!
С собой ничего не забрать.
Очнуться в хранильной бездне,
чтоб струнами вольно играть.

Уйти, уехать, исчезнуть
в последней, безмолвной глуши.
Чтоб страстно шептать бесполезно
в районе пропавшей души.

* * *

Когда на сердце столько простоты,
то не найдешь нагана,
чтоб выстрелить; в тебя вселился ты,
изгнавши прежде вепря и тайгана.

И кровь твоя струится просто так.
Ей шепчется, что жизнь ее - листованка.
В переполохе клеток ты - пустяк.
Почувствуй, как вопит в тебе изнанка.

Ведь только ей и хочется здесь быть
не сплошь растительной, не только полоумной.
Уснувшей меж богов кому ж охота слыть,
когда летят пути ватагой семиструнной.

ЛОНО

Такая тишина лишь там.
Ее построил слуха зодчий,
там пенье птиц и травы ночи
ты ощущал лишь по звездам.

По колебаниям планет
в необъяснимости пространства,
где ниоткуда лился свет
в межгалактичности шаманства.

* * *

Ибо только нежность глубока...
Ольга Седакова

Нежность - это конечно река;
дно в ней видится, но неосязаемо.
Нежность - это мох и тина,
если ваше детство по колено в них прошло.
Нежность - это и весло.
И конечно - разлука;
бесконечность прощаний.
Не обещай нежности ничего,
жить - это мука,
если утопить себя хочешь
в половине увиденного всего.

* * *

И словоблудием назвав стихи великого поэта,
она, мне кажется, попала в точку,
в точку поворота:

ведь красноречьем упоён наш век,
изысканностью пеня без разбора,
где равен статус бедняка и вора.
Всё движется к всеусыпительному блеску,
к всеувоенной демонстрации чудес,
волшебств и прочей мишуры в глаза,
что предназначены - о, для Иного!
Так мне она сказала, совсем простая жрица
о: неизвестного мне храма.
Храма скрытной жизни.
Её растительного млека.
Себе желающая тайно неуспеха.

* * *

"Я люблю смотреть как умирают дети..."
Простое как мычание.
Аз, буки, веди, мыслете...
Несуществующий миг прощания.
Мир огромив.
Мычание.
Солнечный язык.
Что значит смотреть
на умирающего ребенка?
Что у него умирает?
Что в нем умирает?
Умирает кто?
Почему простое как мычание
любило думать
что любит смотреть
как умирают дети.
Мычит ли
предсмертное мычание.
Мчит ли что в нем.
Молчание.
Умирающий ребенок не умирает.
Рай ранит.
Рай.
Револьвер сам выстреливает
в стену говорения.
Пробуждение.

* * *

Невыносимость обыденности -
это естественность или победа?
Взрывая все длительности,
ты ищешь ответа
на вопросы, которые ставят тебя на колени.
И если ты не гений,
тебя разорвут изнутри грозы.
Ибо обыденное стирает тебя с лица земли.
И ты неузнаваем уже своей тайной.
День сменяется ночью - это как костыли.
Всё, кроме смерти, в этой жизни случайно,
спонтанно, непредсказуемо,
зависимо от твоего порыва.
Вот в чем ужас свободы: она требует действий,
она требует твоего непредсказуемого прорыва
в тысячи, в миллионы отверстий!

* * *

"Композитор, или как он сам себя называет - обнаруживатель музыки, Лев Гутовский аранжировал и организовал запись десяти, как он считает гениальных, песен, сочиненных пять лет назад совершенно случайно восенадцатилетней девушкой, с тех пор не напевшей и ноты. Цикл Гутовский назвал "Песнями невинности", что, безусловно, малооригинально. Можно, тем не менее вспомнить, что один из любимейших поэтов маэстро - Уильям Блейк..."

(Из журнальной рецензии)

Десять песен невинности
пропеты там, где нет еще ревности,
где случился случайно румянец смущенья
на юной щеке,
замешательства глубочайшая пропасть,
непонятный ангельский шум -
аппарата незримая лопасть.
Что-то случилось: столкнулось нечто с чем-то,
словно афины древнейшие с кватроченто,
словно древнеегипетская нежность
слияния лица, морды, листочка
столкнулась с девушкиным сном,
где ночь непомерно просторна, не ночка,
не тучка - тучи опрокинули всё на своем пути,
не зная, что им делать в этой скорости,
где нет предела, равно смысла.
И песни вылились, как реки пролились:
Миссури, Волга, Висла,
чтоб напоить то существо,

что ровно на неделю просыпалось,
потом уснуло снова, а пропетое осталось.
Пропетое, оно озвучивает то, чего уж нет
в пространстве флейты, фортепьяно и гобоя.
И девушка, укрытая судьбою,
как серой толстой шубой, поглощает свет
из бесконечности самой себя идущий.
Ей кажется: всё это чей-то бред
про райские сады и все иные кущи.

* * *

Прощание с Землей; о бедный пафос,
в котором мы укрыты с головой.
Прощай, кувшинка скромная и гордый лотос,
мы не увидимся с тобой!

Печали звукоряд - вот весь наш гонор.
Печальна вся искусства глубина.
Мы встретились с землей во время оно,
чтоб плоть свою испить до дна.

Чтоб оказалось, что за ней - ризомность,
трепещущий испуг
какой-то феи, чье дыхание озонно,
как звездный перестук.

Не оторваться от печальной сути,
что жизнь - не твердь: бездонная душа,
внутри которой - звери, вещи, люди
и наш подлунный шар.

И мы растворены душой неисследимой
внутри ее ночей,
а плоть как льдинка - преходящи зимы,
и мы - огня слабеющий ручей.

Нас кто-то ждал, когда вошли сюда мы?
Конечно же, нас кто-то ждал.
Наш ум растает, явится тот самый
пока невидимый, но меж миров вокзал.

И очертания его душа узнает:
как будто где-то здесь исток.
Чу! петухи поют, собака лает,
и трепетно вопит к тебе листок.

5.02.2015, Екатеринбург

* * *

Есть только Бог. А мы - из сонма струн
одной струны попытка звука,
достойного Его чутья
и промысла межмирного и слуха.
Всепотаённого,
меж гор, и горок, и долин, и сосен.
Есть только Бог. Он трепетно из каждого листка
и норки выпевает всю симфонию псалмов,
которые слышны лишь тем,
кто выпестовал божьи уши.
Никто не помешает Богу в нас войти
в любой момент; и так же выйти незаметно.
Есть только Бог. О, как он отдается беззаветно
непостижимой беззаветности расти
и сострадать и мучиться и плакать
и в то же время вздрагивать бровями вровень
то с жучком, то с посохом Линь-цзи,
то с креатурами межзвездных столкновений.
Как слёзно *идут* над землей дожди,
нас омывая перед смертной купелью.
Есть только Бог, мы ж притворяемся
живущими по-божьи, в нас что-то есть
от шороха его ресниц, когда он изнутри
немногих чувств -
 посаженных в наш сад растений -
промеривает бездну наслаждений
бытийствовать свободно и легко,
умея огонь и хлад всепримирять
в пустынной тишине себя забвенья.
В нас что-то есть от первого
 его волны волненья.
Мы учимся дышать и умирать.

* * *

Бог Нахтигаль, меня еще вербуют
Для новых чум, для семилетних боен.
Звук сузился, слова шипят, бунтуют,
Но ты живешь, и я с тобой спокоен.
 О. Мандельштам

Бог Нахтигаль тебя поит водой,
завис ты между небом и судьбой,
которая основна как холщевник,
чиста как зацелованный кочевник
по редким и изысканным словам,
созвучиям и гордым ассонансам;
ты выучился чревным играм, танцам
на подступах к перформанса нюансам,
на подступах к орфеевым гробам;
слух исправлял литературных дам.
Фонетика - ужасная отрада,
она поит из погреба и сада,
игра бесстыдная в покорные слова.
Оплаченная, впрочем, безголосно
краями, где томятся гордо сосны
и где в твой слух вселилась вдруг трава.

* * *

Какое благо - заблуждаться,
вопросы задавать спросонок,
не знать простейшего, с пеленок
в себя всё глубже погружаться.

Мир всё далече и далече.
Как далеко бегут все люди!
Я здесь один, я в звездном гуде.
Я - с кочергой у солнца печи.

Я с домовым шепчусь тихонько,
потом с рекой играюсь в полночь.
Мне кто-то утром снова в помощь,
приоткрывает свет легонько.

Со мною только неба крыша
да поля тихая работа.
Мне кажется, я жду кого-то
и становлюсь всё тише-тише.

СОН

Её касание до известной степени суггестивно,
она словно бы ничего от меня не хочет.
И в то же время она хочет столь многого:
provokativno-passivno,
что я меняюсь сам как древний кочет.

Мы с ней исследуем неизвестность мира,
его прекрасные, не тиражируемые закоулки.
Но не говорим об этом: мы слишком гулки,
не гунны похоти в нас, а пласты Эльстира.

Но это совсем не то, что можно
извне представить.

Мы ведь почти не касаемся друг друга.
Мы еще сами не знаем, чья мы прислуга.
Но мы не можем этот мир просто так оставить.

Что-то должно быть разгадано и укрыто снова.
Нечто скрывается в том, что мы так различны.
Надо найти признаки,
по которым мы неоспоримо вечны.
О, как блаженно прикосновение твоё и ново!

* * *

Раз юность - бог, то жалки мира шансы.
Ведь юность это внутренний цветок.
Уйди в себя, танцуй невидимые танцы,
блаженством моря налегая на песок.

И много ли ты знаешь красок спектра?
Блаженство, боль - лишь две из них.
Как далеко тебе еще до ритмов мэтра!
И до симфонии далёк твой тонкий жизни стих.

2023

* * *

Всех, кому плохо, надо бы пожалеть,
а не разбирать с утра до ночи их ошибки.
Кто в какую попал клеть, -
тайна не слона, не крота и не рыбки.
Каждый лишь исполняет свою роль,
подчас не понимая в ней ни буквы;
и кажется порой, что наобум ищет пароль,
пытаясь выглянуть в другие окна.
Космос непредсказуем, рыбка и человек
глядят друг в друга в недоуменье и страхе,
тысячи книг, как и тысячи вех -
словно невинный, лежащий на плахе.
Может, ликует, вонзаясь в нас, рок?
Может, вливает в нас волю сквозь смех?..

* * *

Нужна отверженность поэту словно воздух.
Она и яд, и мёд, и еще бездна бездн,
где растворяется весь зримый жизни лозунг
и где невидимы следы бессчетных бед,
неутоленностей, улик и всех сокрытий,
и пафосов слоистых череда.
Нужна отверженность как почва для наитий
и для молнийного безумного суда.
Без отверженья нет в груди агрессий.
А без агрессии ты должен быть мудрец,
быть выше всех обид и всех конфессий
и жить, не ожидая слав и пенсий -
лишь быть ручьем иль морем наконец.
Тем медленным, невидимым, но - морем,
что словно люлька Гору сторожит,
укачивает и восторг, и горе
и бездной в нас зеленой ворожит...
Из этого стихи поэт не сложит:
лишь бес арены в нем заводит слов мотор.
Кто знает, тот молчит, его ничто не гложет.
Поэт - палач, в его руках - топор.
Он машет им залиvisto и рьяно,
он разозлен, он самовосхищён,
он чует грани света речи пьяной,
он восхищаем в небыль, он прощён
за музыку, в которой нету смысла,
а есть аллюзии, иллюзии и бред.
И море спит в нем; бог в нем в ссылку выслан.
Он слышит скрип оси... Ей равных нет.

* * *

Есть это тихое, суровое *почти*;
почтительно коснулся ты чего-то,
чего нам от напастей не спасти,
к чему принудит нас последняя работа.
Сквозь говор неумолчный Гёльдерлин
молчал и наполнял рояля струны
фрагментами сознания долин,
где в память вдруг врывались вновь лакуны.
Что значит *жить*, он, сумасшедший, понимал.
О, как он понимал, что значит логос!
Фрагмент беседы каждый раз был хрупко мал;
что говорить, когда в нас кто-то крутит лопасть.
Пустынность речи; есть ли человек,
смотрящий *невозможными* глазами?
Пусть ничего нет, только белый снег
и птичий гвалт, бормочущий стихами.

* * *

И вдруг мы понимаем,
что ничего кроме гипотез нет.
Что зря насуплены: мы в бесконечности играем
среди камней, ракушек и планет.
Ничто не поймано: пусты, блаженны сети.
Ты сам не пойман: просто ты ушел
в страну, где взрослые - всё те же дети,
где логос - ветер, лёгший нам на стол.

* * *

Какая легкость отпускания поводьев у поэтов.
И Лермонтов, и Хлебников, и Тракль...
Стремительно увиден весь спектакль
и сцены всей шумливой мишура.
Новалиса влекла всю жизнь гора.
Но разве смысл их отречения в этом?
Как быстро поняли, что это или то -
процесс один, над жизнью смерть не властна,
равно наоборот: одна в другой сквозно.
Какая разница, в какое вылететь окно.
Предательство - вот то, что здесь опасно.
И лучше не свершить, чем вляпаться в говно.

* * *

Забыта в снах-садах Орфея,
во льдах цветет Гиперборея,
льет в вены спящих тайный жар,
всей океанской мощью вея,
в молчанье белое умея
всезвучий претворять пожар.
Ты слышишь: в жилах дышит Гея:
на тыщи лет забытый дар.
Так жук тропою скарабея
священствует в пространствах мар,
не суетясь и не робея,
он катит шар в Армагеддон,
в пасть мирового смотрит Змея,
где наш кончается зон.

Часть вторая

* * *

Василию К - ву

Нет, не друг мой стал печальным тленьем -
только тело,
сам же он живой.
То душа его, пусть коротко, но пела,
снова став собой, а не травой.

Не терзайся: мы во тьме иллюзий,
смерть - одна из них.
Помнишь, как сияли очи в вузе,
как волшебю было море книг.

Но ведь это были лики смерти,
смерть поёт сквозь жизнь.
Но и смерть сама -
сверканье жизни в круговерти:
нечто в нас блажит.

14.01.24

* * *

Как пуста жизнь все же, как пуста.
От могилы деда вот до этого куста.
Сколько горя было, сколько слёз
и какое море ожиданий
и терпения священных лоз.
Я и в сорок градусов не мёрз,
хоть и обмороживался часто.
Как я все же был волшебю бос
и волненьем наслаждался властно
перед грозным хором всех стихий
и менад, и омраченных ближних.
Жизнь ушла на то, чтобы стихи
научиться слышать как нелишних,
и в себе увидеть некий смысл,
ненаписанную книгу Трисмегиста.
... С мамой к морю мы однажды собрались,
то была предельная в нас высь,
словно путь мы шли мечтою миста.
Не дошли. Вот здесь и ров греха
моего; опять пуста дорога.
Жизнь без зрячести отчаянно легка,
а прозревший вдруг всю тяжесть Бога
обретает на своей груди
в каждом своем шаге-колымаге.
Пустота - не позади, а впереди.
Тонет мысль в блаженной саге.

14.01.24

* * *

И сколько бы ни длилась жизнь-молитва,
ты на краю всегда.
И рифма-дура, -дурочка иль -бритва
срезает твои слезы: кромки льда.
В конце тыпустишь всех коней в пещеру
в громадную, высокую как храм.
И выцедишь, не вычислишь, ту меру,
которой меряешь сердечный хлам
из почвы и травы и той руки волшебной
той девочки, которая ты сам...
Когда растешь в тиши то жалкой, то целебной,
мёд тихо утекает по устам.
И все ж ты аромат его учуял
и боль тебя пронзит еще
сквозь жар твоих небес.
В пещере близ коней мы до смерти кочуем,
впуская в слух и жилы древний лес.
Но всё напрасно, если есть желанья;
от тысячи ошибок рябь в глазах.
Нет ничего спасительней вниманья
к той пустоте, которая в корнях.
Которая сквозит в остатках роци
среди сплошного марева машин,
она еще слышна порой в молчанье дикой ночи
близ тишины цветной, где оторопь вершин.

16.12.2021

* * *

Изъятое из всех смыслов
очищенное от шелухи
слово
попробуй взять его
как будто его нет
как будто оно зверь и не готово
войти в те клетки
где всей скорби гнёт.
Вся чернозёма и навоза тяжесть
войдет феноменальностью услуг,
отвага и отваженность, отважность
охваченность всей суммой лаллы рук.
Дойдешь ли ты до дна
до тайны звука
куда уж там когда твой первоцвет
угас когда твой друг стрелял из лука
когда вы шли по жизни следу в след.
Тогда вам было миллионы лет.

7.01.2024

* * *

Играть на инструменте можно учиться
наверное бесконечно,
становясь все более флейтой,
виолончелью или фаготом.
Вознося собою звуки уже существам неземным.
Но людям не нужны человеки-флейты
или человеки-гобои.
Да ведь и самоиграющая виолончель или фагот
перепугает кого хочешь.
Людам нужны разряды молний,
попадающие в них иногда
и пронзающие насквозь.
Только прямое попадание молнии
дает нам вздрог прозрения
и странный покой душевный, похожий на плач.

12.01.2021

* * *

Оглохшему: освободись, прости!
Здесь всё пройдет как слух и звук.
Трамвай последний скоро отгремит.
Шмель и пчела вот-вот умрут, навеки, навсегда.
А что останется - то разве тишина?
Нет, только зрелище, лишь небосвод.
Мы затеряемся однажды,
вдруг разогнавшись, а потом устав на полпути.
Поняв урывками какие-то обрывки снов и слов.
До смыслов ясности едва ль нам добрести,
ведь сам Фома Аквинский созерцал
не ангелов, а только сов.

* * *

Что проку от наших претензий:
к Богу, к правительству и друг к другу?
К эпохе, к карме и к тем неудачам,
в которых ты сам дал маху.
Но кто ты сам? Вот в чем провал
и неизреченная бездна.
Кто-то вопрошает тебя изнутри
неисповедимого небосвода,
низвергнутого в Землю.
Кто-то пронзительно пробивает
днем и ночью штольню,
уже сколько зоннов пытаюсь прорваться
к твоему забронированному, впавшему
в обморок лабиринту.

4 января 2022

* * *

Волненье дарит только чистота.
А перегруз познанием дарит яму.
И если бог читает нас с листа,
то значит рулевой рулит землю спяну.
Наивное чириканье дождей.
Наивный умирает столь счастливым.
Он никогда не ждал ничьих вестей.
Он никогда не жаждал скоростей.
Он слушал музыку в стволах и кушал сливу.

17.11.22

* * *

Коль ничего нет в маленьких стихах,
то для чего им рост?
Нет никаких свидетельств связи
между глубинным словом и тобой.
Искусство создавать, сплести такие сети,
в которых рыбы-человеки сладко спят,
Вон посмотри в окно: там только дети;
и Киркегор лавиной страха вмят
в пустынную бессмыслицу вопросов,
между которыми он падает, слепец.
Когда ты жив, тогда ты не философ.
Когда философ ты, тогда судьбе конец.
И стены рушатся, которых нету выше:
молчанье поглощает море книг.
И буквы спят и гласные не дышат
лишь для того, чтоб что-то ты постиг.

19.12.2021

* * *

Если задача поэта - войти в историю поэзии,
написанную на бумаге,
то он конечно в нее войдет.

Исхитрится, примерится, сработает
именно то, чего ждут.

Но если он не фрайер, не радикальный субъект,
не ловец счастливых минут,
то он останется на свободе,
а значит не поймает его мир
со всеми сетями эротических притяжений,
неверно понятых и искаженных конвульсиями
эстетического фашизма.

Он побежит как волчица к мальчику
с обрубленными
руками и ногами и залижет ему раны
и забеременеет

от последнего в угасающем роде.

Вот что он сделает,

когда Господь закроет ему очи.

Заповеди давно поведаны, но никто не хочет
исповедовать их пойти.

Если ты хочешь кого-то спасти,
себя спаси: прибей себя к кресту,
которого никто никогда не увидит.

Спой песню для рыб, для кашалотов и мидий.

25.10.2020

* * *

В чем порок красоты?
У нее никогда не болит сердце.
Так вот и поэт ты
легко отличишь от стихотворца.

Красота сияет, но не греет и не насыщает.
Красота - то пафос беспричинный.
Обещает, обольщает,
прикрывая глупость и коварства
список длинный.

20.01.2021

* * *

Поэт - не человек, а инструмент,
которого изобрела природа
всем государствам и законам вопреки;
он глас, но чей? того убитого народа,
что светится остаточной слезою звездных лент
и в почве затаясь творит
восстание бессмертное реки.

17.03.2021

ПЕРЕСАДКА

Когда вместо сердца человеку вставляют
орган
эстетического восприятия действительности,
тогда-то он и становится успешным.

* * *

Под игом жить - вот старый рок России.
И угождать пытаться всем подряд.
А втайне чувствовать себя мессией,
но разворачивать потусторонне взгляд;
и крохой пробавляться, крохой,
сухариком из старого мешка,
не знать пути и слышать очень плохо,
что шепчет богатырская тоска.
Не знать своих богатств, любить чужое.
И вожжи отдавать всегда чужим.
Жалеть чужих, всегда искать другое,
не то, чем в сердце русском дорожим.

4.07.22

* * *

Да да да я здесь я здесь
нет нет нет но где же
некая уходящесть звуков
нет в них связи
с чем? с чем?
из каких невидимых рек
идет водопад?
ты чуешь как падает
звук на кожу
на кожаный переплет
упала тень звезды
под лунной сосной
и ты смолк весь весь
ты умолк совершенно
как онемевший рояль.

26.01.2022

* * *

Человек бытия парит.
О чем писал де ла Крус.
Человек, цепляющийся за других,
прижат к земле.

* * *

Нас несет сила сил, звездный ветер иль Бог.
Назови ее суммой всех сущих дорог.
Назови ее музыкой всей пустоты,
всех чудовищных тайн, стерегущих посты.
Назови, как ты хочешь иль не назови,
все равно нет названья для пенья в крови,
все равно твоя суть истребляема враз,
стоит только тебе сделать маленький пас,
стоит только тебе сделать умный оскал
или тонкий прищур...: ты пропал, ты пропал!
Есть единственный способ не дать себя сдуть:
жить подобно Чжуану иль дикому псу,
не пытаясь значенья придать колесу.

* * *

Инстинкт поёт своё молчанье.
В бездонной тишине - Моцарт.
Как я мечтал об одичанье,
когда искал священных царств!
Я знал - хаос культуры выше.
В нем сокровенности предел.
В нем нет ни псов цепных, ни вышек,
ни опустелых, тщетных тел.
В косноязычье был влюблен я,
в таежный скрип и в птичий зрак.
Заветным зовом опаленный,
я слушал сумрак, а не мрак.
И слово смерть звучало гордо
среди снегов, дымов, стволов.
И грай ворон и лисьи морды
мне заменяли мир попов.
Я чуял: Бах не из купели,
в его крови - поток лесов.
Его кантаты гномы спели
в сопровожденье вещей сов.

* * *

Вере Вениной

Вараксинский я помню погреб.
Вараксины - священный звук.
Чуть-чуть припоминаю облик
в полете птичьим ног и рук.
Их погреб стал нам завещаньем.
Он был громаден, многолик.
Он охранял нас от отчаянья.
Он был тропею к сонму книг.
Как то случилось, я не знаю.
Но разве можно что-то знать?
Чем занят в жизни я? Гадаю,
весь в превращениях пропадаю,
пытаюсь чем-то внятным стать...
А погреб? Он был необъятен.
Он вел в подпольные миры,
где дух царил, как кедры, статен.
Там кто-то жил, безвестно знатен
в преддверье моря и горы.

* * *

Конечно, идеальность слов
есть идеальность неких сущих,
нас прижимающих к земле основ,
где бездн несчетно заглядущих.
Мы стелемся здесь как туман,
как отраженье отражений,
в словах - и воля, и обман,
и влага древних наслаждений,
нас прикрепляющих к тому,
что колдовством сплошным зовется.
Поэт пронзает словом тьму.
И что-то в нем бесследно рвется.
Так рвут нам душу звуки му,
когда Господь в цибарку бьется!

* * *

Священно неприметное жилище.
И кружка прадеда во тьме чулана.
И влага глаз, что влагу смысла ищет;
и дров сырых вдруг вспыхнувшее пламя.
Священна суть окраин и обочин.
Священно дурачка непритязанье.
И путь Земли, что кажется бессрочен.
И вдруг коней случайных цок и ржанье.
Не удержать тебе ни гибельность, ни малость.
Но ничего удерживать не надо.
Оставь земле и пламени усталость.
Пребудь в тени, где лишь она - награда.

* * *

Всё есть душа, а ей зачем слова?
Любое слово - рана на просторе.
Мы - птичий свист и божия трава.
Словами мы создали только горе.
Творенье наше паутинно-велико,
нас скоро будет не видеть за этой сетью.
Не словом наградил Он нас - тоской,
когда отправил в странствие
всевеликанской плетью.

* * *

Мы столь удаленные судьбы с тобою,
мы столь удалённые.
Но разве всевышний мечтатель
нас всех удаляет?
Уносит нас склон, мы к нему склонены,
мы в поклоне бессонном.
В нас склонность играет, нас тяга влечет,
то зонность.
Не меньше ничуть, только кажется нам,
что мы меряем мелочь.
Мы трогаем что-то большое, мы трогаем
дерево зрелость.
Касается плод нас, качается в нас он
ветвями-весами.
И сами в себе мы поем и летим; только сами.
Одна в нас дорога, а кажется нам,
что их многие тыщи.
Возвышены веки, возвышена вечность,
то мощи и лики.
То я догоняю тебя, мой дружок, мой двойник,
мой погибший:
иль ты - это я, не усопший еще,
лишь от воплей охрипший.
Сознание уходит из нас словно чья-то волна,
словно чье-то бессмертье.
Его мы хватаем как будто цветок,
оно в пламени женщин.
Жизнь - чистый листок, что нам прислан
в священном конверте.
Попробуй прочесть его смыслы,
что горестно-вещи.

* * *

Человек - промах Бога?
Очень даже возможно.
Только постигать это надо осторожно.
А вдруг всё наоборот,
и человек промахнулся в идеале.
Господи, как всё сложно!
Как же мне, дурачку, не оказаться в опале?
Разве только Гегелям
да святым Серафимам здесь дорога?
Ловушек стало слишком много.
Просто невозможно выйти за ворота.
Проще картошку сажать на своей усадьбе.
Нет, не бывать уже свадьбе.
Человек закончился.
А выпала из божьего стана всего лишь нота.

* * *

Спасибо, Господи, за этот день.
Как тих и прост день на земле,
когда жизнь прожита:
нечаянно и не совсем прозрачно.
Тихи луга, заброшены здесь рощи;
над облаками нету пастуха.
Тропа позаросла как древняя строка;
так память зарастает; всё проходит,
одно лишь неизменно в твоей власти:
не властвовать, а длить и длить вниманье,
пустое, чистое как вечная ризома.
Вот почему ты в городе не дома.
Как просто - лечь в траву и затеряться.
Изглядятся безумия морщины.

ОСЕНЬ

Гульнаре Б - ой

Что флорентийские сады, когда я - здесь?
Когда листва мне светится сквозь хвою.
Я сам дерзаю, сам теку рекою.
Не давит на меня культуры взвесь
всей толщью лицемерия отвагой,
безбожия беснующейся влагой,
когда не чистоту мы пьем, а спесь.
Что флорентийские сады, когда я в роще,
и что дворцов купельные плоды?
Ко мне плывут не колыбелей мощи
и не богов растерзанные очи;
я сам беру правления бразды,
входя как жрец в межствольные ходы,
где шевелит меня сам свет на все лады,
где песнь стволов блистательнее Ночи.

* * *

Суть истины - всего лишь росный луг
да тихое печи в ночи гуденье.
Младенческий, вне всех причин, испуг
и потаённое причастья наслажденье.

* * *

Когда я был, то я наверно не был?
Так я спрошу кого-нибудь однажды.
Но кто он, этот кто-нибудь, но кто он?
Так я спрошу, задумчиво бездонно.
И где это однажды и когда,
когда это однажды приключится?
Ведь всё это уже не будет длиться,
не будет ткаться это полотно
и эти нити льнуть и льнуть друг к другу...
И там, где я уже не будет "Я",
я свой вопрос отправлю безпричинно
кому-то, кто еще наверно слышит
где понимаем всё в округе дышит
и к бытию открывшемуся льнет.
Но как же я попал не в тот извод?
И что я вынес из летейских вод?
И рассмеется тот, кто дан мне свыше.
И я свершу последний поворот,
став мирозданья мирового тише.

* * *

Я уйду, останусь, я не буду.
Я маленькая часть всего,
я крошечная часть того, что может знать.
Я только отблески и тайные туманы слышу.
Ничто почти не постигаемо во мне.
Я лишь догадываюсь о былом и о прошедшем.
О том же, что сейчас идет
гигантскою волной на нас -
я даже и помыслить не решаюсь.
Нет ничего, о чем бы мог я вынести сужденье,
пусть даже наименьшее из всех
случившихся когда-либо суждений.
Как тих закат, когда в него ты
отпускаешь свою речь,
где ничего нет кроме самых непонятных звуков.
Какая мощь речей скопилась на Земле.
Как широко всё понимаемо людьми.
Но тронуть мне дано лишь атомами
пролетающих касаний.
Все тайной было и останется
всё большей тайной.
Чем тоньше прикасаешься к познанию,
темнее тем и безконечней наступающая ночь.
Страннее нет симфонии поэтов.
О чем они встревожено молчат?
И почему их трепет нескончаем?

Из Готфрида Бенна

ПСАЛМЫ

1.

О если бы побыть своим пра-предком,
В болотце теплом маленьким комком.
И жизнь, и смерть, и рост в зачатъе метком
Питать безмолвных соков слизняком.

Листком в воде или песочной дюной:
Формуясь ветром, осыпаясь в ноль.
Но даже зумм шмеля и гонор чайки юной
От нас так далеки, что *слишком* эта боль.

2.

Шуты здесь и влюбленные убоги.
Надежда как и страсть к отчаянью близка.
Зачумлены мы, сплошь растерянные боги.
Хотя жива о Боге в нас тоска.

Залив так нежен. Смутны грёзы рощи.
Кроваво-снежный тяжек звезд альков.
Пантеры прыгают бесшумно в чащах ночи.
Всё - только берег, хоть извечен моря зов.

1913

100

УГРОЗЫ

Но знаю:
Живу я зверино. Я - водяные часы.
Чуть вечер - веки мои засыпают как лес
и как небо.

Любовь моя знает лишь несколько слов:

Как прекрасно тепло твоей крови. -

Ты мой царственный кубок!
Моя бродячая гиена!
Приди ко мне в нору. Нам так нужна
светлая кожа.
Над маленькой ящеркой гордой беги
вплоть до тени под кедром:

Ты - счастье -

Я ж - обезьянний Адам. В волосах моих
розы цветут.

Волосатые лапы мои так длинны.
Как хорошо мне в ветвях! На пальце большом
могу целый день провисеть. -

Я гончий звериной любви.
Решилось всё в первую ночь.
Зубами хватаю всё то, что томит и влечет.
Гиена, коршуны, тигр - вот мой герб. -

Вот волны, я мчусь, а парус я сам.
А кожа бела. А игра так смела.
Но алость горька, и кровь в ней мертва.
Твой рот - крика полная щель.

101

Ты та, с кем к берегу мне не пристать!
Ты даешь мне любовь,
но уколами вплоть до крови:
тянет прочь в этот миг. -

Ты Руфь. Колосья в шляпе твоей.
Затылок горчит макковой кровью.
Лоб твой покат: ты так долго искала глазами
боа над миндальностью рощ.
Ты несешь их как море несет,
ведь оно ничего из забытого
в играх Земли влагой своей не кропит.

Только веки твои снаряжают в путь мой простор:

Глянь же: близится бездна
шорохом тысячи звезд.
Глянь же: то пропасти пасть,
куда ты излиться должна.
Глянь же: то Я. -

1913

НЕ В УТЕШЕНЬЕ

Кто может стать тропы моей преградой?
Позволь твоим цветам цвести.¹
Моя тропа - поток, ей одиночество награда.

Лишь маленькая чаша - две руки.
А сердце - это холм, пускай он мал,
но там покой.
Да, я живу всегда на берегу,
и море шлет мне свой приплод цветов,
а возле сердца моего простерт Египет
и Азии туманные рассветы.

Одна моя рука всегда в огне.
А кровь моя - то пепел. Плачу я,
когда к Тирренским подплываю островам
и чую близко кости и скелеты.

В рассветной дымке -
в белых тополях долина.
То Елисей на луговых прибрежьях,
Эдем, Адам, и вот она Земля,
из музыки сплошной и нигилизма.

1913

¹ Скрытый внутренний диалог с поэтессой Эльзой Ласкер-Шюлер.

ВИДИШЬ: ЗВЕЗДЫ, УЛОВЫ...

Видишь: звезды, уловы
света и - небо, моря,
песен пастушеских зовы
гонят, дорогу торя;
так вот и ты голосами
званный, продуман до сфер,
следуй молчанья часами
к вестнику ночи вне мер.

Если слова, мифы, сказки
опустошил, то в пути
новой божественной ласки
больше тебе не найти;
нет евфратовых тронов,
пусты стен словари,
лей же, сатрап мирмидонов,
землю вином обagri.

Как ни назвал бы ты сроки
(слезным мученьем без дна),
всё здесь цветет лишь в потоке
темно-ночного вина.
Молча текут зоны,
к нам прикоснувшись чуть-чуть,
так возврати же короны,
тем, кто готов в них уснуть.

1927

ЕЩЕ РАЗ

Еще раз - смерть сквозь слезы,
с тобою чувств альков,
любви и тлена розы,
прочь от чужих богов.

Что можешь здесь стеречь ты,
немногое и всё ж
цветы и моря речи,
всё остальное ложь.

Вздыманье и паденье,
забвенье и дозор,
последних волн раденье,
последний жаркий взор.

Ткать, не имея петель,
каймить, но без следов.
Лишь слезы и лишь пепел
прочь от чужих богов.

1934

КТО ОДИНОК...

Кто одинок, тот жительствоует в тайне.
Потокам образов он полностью открыт,
зачатий и ростков в нем - всекасанье,
он жар корней в самих тенях волит.

Беремен он их каждым слоем тонким,
он полон шевелением их дум.
Он с ходу рушит человечьи толки,
кормушек гул и спариваний глум.

Давно не умилен земною твердью:
не та земля уже, какой была.
Ведь нет уж больше *Stirb*, как нет и *Werde*.
Лишь тихий взгляд финальности посла.

ЖИЗНЬ ИЛЛЮЗОРНЕЕ ДЫМКИ...

Жизнь иллюзорнее дымки!
Заманка для слуг и мальцов,
но ты-то сын древних родов,
порода в финале тропинки,

чего же еще ты здесь ждешь?
новизны опьянений,
почасовых изменений
в себе и в том, где живешь?

Женщину ищешь и друга?
но разве не тот же всё круг:
верность, покуда из рук
не выскользнет: вдребезги чудо.

Вера и действие - время,
чью форму руки слепили,
но руки же веру сгубили:
статуи скрыли семя.

1936

КУДА

Куда бы ты мог повести нас,
ведь звезды давно зажжены,
а дали до дна ощутимы,
а ночи полны глубины.

Какую еще дашь свободу,
коль всё ускользает из рук?
Текут голоса, лица, годы,
шуршат камыши на ветру.

Дашь весть мне первейшего класса,
но чьих она мест и красот?
Паук тклет нить *этого* часа,
она-то и есть моё всё.

1938

* * *

Кто в сны способен возвратиться вдруг,
над тем не властны смертных скрепов тяги,
в нем возрождаясь, воскресает древний Круг,
аллея сфинксов, волхвованье саги.

Мертвы ли боги? Нет, живут в полях!
А с ними звери их и лозы винограда,
все так же жертвы принимают в гуще сада,
поют в лесах и странствуют в морях.

Что умерло? Лишь око, что смотрело вверх,
катившее тропинку в безграничность.
Ни перед чем не опускало век,
в нем молчье жила, творившая первичность.

Кто сам себя струнит, того прекрасен след.
Он бытие в движении не ранит.
Он замедляет шаг, входя в природы свет.
Его закон молчаньем в нем восстанет.

1940

108

ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания... Звоны, укрытые ночами,
краски, что ветром с моря неустанно движимы, -
входят в нас сновиденными
сладкими отчаяньями
в образе чего-то Последнего: где же мы?

Замок на берегу с белыми
мраморными лестницами
и внезапной песни пронзительность,
то серенада, а скрипки - как вестницы,
но только здесь - у моря,
где дышит бдительность.

Это немного; но Единое
уже не дарит нам большего,
наши уловы редки
после всех прыжков и всех ран
в игре с Ничто образа, одиноко брошенного,
а краски всё несут лишь Bleu mourant.

109

ВРАЗНОБОЙ

В моем родительском доме не висел Гейнсборо
и у нас не играли Шопена
жизнь совершенно равнодушная к искусству
мой отец побывал в театре лишь однажды
в начале столетья
на "Жаворонке" Вильденбруха
чем мы и питались
и это было всё.

Уже давно ушли
их седые сердца, их седые волосы
сад в польском владении
могилы вразброс
но все славянские,
линия Одер-Нейссе
для содержимого гробов вне значимости
дети думают о них
некоторое время даже и супруги
вразнобой
покуда им не нужно идти дальше
Кончено, конец псалма.

И вот сегодня в ночи большого города
терраса в кафе
летние звезды,
у соседнего стола
сервировка сравнивая
с франкфуртской,
неутоленные дамы
когда бы их любовная тоска имела вес
весили бы каждая по три центнера.
Но флюиды! Жаркая ночь

а la туристический проспект
и леди выходят из своих образов:
невероятные красотки
длинноногие, о высоком каскаде
их желания отдаться можно даже
и не пытаться мечтать.

Супружеские пары, напротив, убывают,
новые не приходят, мячи падают в сетку,
он курит, она крутит кольцо
в некой общей задумчивости
относительно брака и мужского творчества
застой или высокий порыв.

Вопросы, вопросы!

Воспоминания той летней ночи
мерцательны, паряще-касательны,
в моем родительском доме не висел
Гейнсборо
там царило запустение
целостность вразнобой
Кончено, конец псалма.

ОТЧИЙ ДОМ

Когда оперся одиноко ты о ночь
чуть во хмелю, храня паров истому
бредя сквозь снег сквозь искр разящих дождь
бог знает из чего бредешь дорогой к дому

мой отчий дом, ты где, стоишь совсем пустой
конечно я бы мог тебя наполнить речью
всю мудрость болтовни втащить как на постой
чтоб время кинулось само ко мне на плечи...

но позади него и впереди
все те же родовые мои звенья
деды и внуки в дробности смешения надежд:
не думаешь ли ты, что тиканье в тебе и пенье -
всего лишь древний бред, безумие одежд?

1955 г.

ТВОРЕНИЕ

Из джунглей, из илисто-крокодильего занятья -
шесть Дней - кто знает, что это
за местность улова,
после всего - один глоток и крик проклятья:
первое Я, первое слово.

Первое слово, первое Я, пушок, вспышка огня,
просвет голубизны, штрих звезд -
откуда, куда - в чудовище маня
пустого пространства ради слова,
ради Я: мост.

1929

112

СТИХОТВОРЕНИЕ

Что значит этот натиск смуты?
То образ, слово или счет?
То суть твоя иль жар минуты
иль чувства тихого излёт?

Быть может ты Ничто затронул,
его фрагмент или портрет?
То огонь берешь, то пепла гоны,
то тьму огнишь, то гасишь свет.

Как мал твой круг всепониманья.
Забор зеленый - вот твой край.
Куда б ни шел, ты суть изгнанья,
Ты сослан в собственный раздрай.

И день и ночь себе укоры.
Вовсю стучишь резцом в сие,
вбивая серебро в зазоры...
А кончив, видишь: *Бытие*.

1955 г.

113

* * *

Есть гибельность, где весь я без обмана,
хотя не нужно, чтоб об этом кто-то знал.
То не закат, лишь чистое течение тумана,
укрытость от паров, хотя и не кристалл.

Здесь ничего нет, что о счастье шепчет в уши
иль о Ничто; ты знать не хочешь ничего
о тех вещах, что так пытаются тебя разрушить,
ты только Волгу, что в ненастье, хочешь слушать
по радио и степи существо.

Есть гибельность, в которой нет страданий,
нам без нее богов не увидеть,
не ощутить любви среди нищеты желаний,
не вырваться во двор, чтоб снова певчим стать.

1952 г.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Не нужна действительность, к тому же
разве ж есть она, когда флейтист
из чутья и зова флейты может
экзистенцию творить, бездонно чист.

Не Олимпию, не плоть, не куст сирени
живописец некогда писал,
а свой транс, где песенные трели
изнутри него незнамо кто листал.

Так прикованный, тащил галеры,
в трюме глубоко, не видя волн морских,
чаек, звезд... Лишь тяготенье сферы
глаз распахнутых рождало стих.

Было страшно - созидал раздолье,
боль пронзала - он Пьету исторг,
если ж был в игре, писал он чайный домик,
только пить тот чай никто б не смог.

1952

УКРОЙ СЕБЯ...

Себя укрой ты масками и гримом,
мерцай как сам мгновений переход,
не позволяй себя увидеть падшим Римом,
пусть не закат в лице увидят, а восход.

Лучи последние в садах печальных,
а небо - легкий жар среди ночи;
укрой себя, пусть слёзы будут тайной,
незримой плоть, чей взгляд кровотоцит.

Все трещины, разрывы, дыры, муки,
само зерно, откуда начался уход, -
укрой, но так, как будто песни дальней звуки
плывут в гондоле, а вокруг - народ.

1951 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

Прими же розу глубоко в себя,
а если подойдет сирень, смешай её
с той кровью, со своей, с тем соком бытия
и с той землей, которой обречен, которая поет.

Медлительные дни; всё преодолено.
Уж нет вопросов: то начало иль конец;
тебя несет тихонечко минут вино,
с твоими розами в крови, в июньский леденец.

1955

ГИМН

С этим свойством великих панчеров:
уметь принимать удары,
но стоять,

полоскать водкой горло,
встречая опьяненье
суб- и супреатомарно,
мочь оставить сандалии
у края кратера как Эмпедокл
и - вниз,

не разглагольствовать о возвращении,
не рефлексировать: то ли этак, то ли так,
освободить крота в его норе,
если гномы начинают расширять
своё жизненное пространство,
устроить у себя пир горой
не рядясь и не чинясь
и даже свою победу умея подарить -

вот какому человеку - мой гимн.

1951 г.

СТРОЙ РЕЧИ

У каждого любовь есть, небо и могила,
но не влекущие всё это темы,
в культуре всё это перелопачено стократ.
А если что и ново, так это
тайна строя нашей речи,
и сверх того - она насущна:
зачем и почему мы что-то выразить хотим?

Зачем слова рифмуем или девушку рисуем
с натуры или в отражениях её зеркальных
или штрихуем на листках бумаги
выделки ручной, на маленьких, в ладонь,
растенье за растеньем, деревья с кроной
или стены, что вдаль уходят
жутковато низко, подобно гусеницам толстым,
но с головами черепах в загадочном порядке?

Сколь подавляющая безответность!
На гонорары виды - мысль пустая,
ведь многие при этом голодают. Нет,
здесь сама рука потребность чувствует,
как будто издалёка руководимая,
здесь с мозгом нашим что-то,
быть может, импульс запоздалый исцеленья
или тотемная зверюга, в ком
под покровом содержания
жив формы приапизм, возможно преходящий.
И все ж таки первичен он сегодня: речи строй,
структура предложенья.

"Немного тех, кто что-то бы об этом знали" -
(Гёте) -
но собственно о чем?
Я думаю: о корне нашей речи.

1950 г.

ПРИДИ ЖЕ...

Приди же, поболтаем
кто говорит - не мёртв,
мы пламенно листаем
хлопот невпроворот.

С одним мы синь обсудим,
с другим - кармина сорт,
всем сердцем слушать любим
кто говорит - не мёртв.

Ты одинок в пустыне,
в подобной Гоби мге,
и грудь твоя уж стынет
по спутникам в тоске.

И вот почти ты в бездне,
лодчонка - в буре вод...
Приди ж, уста отверзни,
кто говорит - не мёртв.

1955

ОБЛОМКИ

Обломки,
душевные брызги,
кровяные сгустки двадцатого столетия -

шрамы и рубцы - нарушенное кровообращение
весны Творения,
разгромленные исторические религии
пяти столетий,
наука: рваные раны Парфенона,
Планк с квантовой теорией,
столкнувшийся на бегу
с Кеплером и Кьеркегором,
заново омрачившись -

но были ведь вечера, что длились красками
Отца всего сущего, зыбкими,
широко струящимися,
неопровержимой в своем молчании
ляющей лазури,
то цвет интровертов,
они сосредоточены в себе,
по-крестьянски опираясь
руками о колени, всецело
отдавись безмолвному вкушению напитка
под гармонику слуг -

и другие
затравленные внутренними делами и досье,
давлением сводов,
сжатием строительных стилей
или любовной охотой.

120

Кризисы художественных форм
и пароксизмы эротики:
таков сегодняшний человек,
душевный вакуум,
тождественность личности
охраняема одеждami,
что при хорошем материале терпят лет десять.

Остаток обломков,
половина лютни,
накипь мелодий из соседних домов,
негритянский спиричуэл
или Аве Мария.

1950 г.

МОРАЛЬ ХУДОЖНИКА

Лишь словесность облик твой итожит,
формами красив.
Тот, чью боль извне не потревожить,
в человеческом будет молчалив.

Вынужден собою ты питаться,
но никто не должен это знать,
и не побуждай кого-то сдаться
сумеркам твоим, которых рать.

Лишь своих грехов несешь ты тяжесть,
сам свою ты формируешь кровь.
Только сам себе ты честно скажешь,
где твоей погибельности ров.

1950

121

* * *

Мне встречались люди, которые,
когда их просили назвать свою фамилию,
отвечали застенчиво и робко,
словно не смея претендовать
на обладание родовым знаком:
"Фройляйн Кристиан", добавляя:
"это как имя", желая облегчить восприятие,
мол, ведь фамилия моя не так трудна
как "Попиоль" или "Бабендерэрде" -
"это как имя",
пожалуйста, не обременяйте Вашу память!

Мне встречались люди, выросшие
в одной комнатешке с родителями
да еще с гурьбой братьев-сестер,
они занимались по ночам возле кухонной плиты,
заткнув пальцами уши,
они вышли в люди,
став красивыми и изысканными
как графини, а внутренне нежными и
прилежными как Навзикая,
с чистыми как у ангела лицами.

Я часто спрашивал себя, не найдя ответа,
откуда в них эта доброта и кротость,
но даже и сегодня не знаю этого,
хотя мне уже пора уходить.

1955 г.

В КАЖДОМ МГНОВЕНЬЕ...

В каждом слове,
в каждом мгновенье
кровоточащая
рана Творенья,

меня землю,
льнёт к сердцу: "стань!"
и каплет мёдом:
"и дом поставь!"

Дала от Бога
крыло всему,
копыта - скифам,
а гуннам - тьму.

Вопросы глупы,
без лишних слов
несем мы небо,
то наш улов.

Есть лишь минута,
в ней мифа свет,
а дальше рана,
а дальше бред.

Луга поблекли,
воплъ пастухов.
Лишь из глубоких
пей родников.

Взор в синеву,
там дальний лик,
лишь это верность,
её язык.

Будь верным царству,
в нем тайна тайн,
будь верным знаку,
лови, летя.

Всё - хороводы
и сказки свет,
чара безмолвья,
большого - нет.

1933

ШОПЕН

Не очень находчив в разговоре,
суждения не были его сильной стороной,
суждения лились рекой,
когда Делакура излагал свои теории,
Шопен при этом терял хладнокровие, ибо
истоки ноктюрнов были ему неведомы.

Слабый любовник;
тени, души умерших в Ноане,
где дети Жорж Санд
совсем не внимали
его воспитательным пожеланиям.

Легочная болезнь
с кровотечениями и рубцеваниями,
которые трудно затягивались;
тихая смерть

в сравнении
с мучительными пароксизмами
или ружейным залпом в грудь:
к его двери был придвинут рояль (Erard)
и Дельфина Потоцкая
пела ему в его последний час
фиалковую песнь.

В Англию он прибыл с тремя роялями:
Pleyel, Erard, Broadwood,
по вечерам играл за 20 гиней
по четверть часа
у Ротшильда, Веллингтона, в Страфффорд-хаусе
и перед бесщётием знати;
почерневший от усталости и близкой смерти
вернулся он домой
на Орлеанскую площадь.
Там он сжигает все свои наброски
и рукописи,
никаких черновиков, фрагментов, эскизов,
этих предательских замочных скважин,
сказав под конец:
"мои опыты завершены в той мере,
в какой мне было дано постиженье".

Играть должен каждый палец с силой,
соответствующей его строению,
четвертый - слабейший
(всего лишь близняшка среднего).
Если он начинал с него, пальцы ложились
на e, fis, gis, h, c.

Тот, кто слышал,
как он играл знаменитые свои прелюдии,
будь то в загородных жилищах,
будь то в высокогорных домах
или даже сквозь распахнутые двери террас

к примеру в санаториях,
тем трудно это забыть.
Не сочинил ни одной оперы,
ни одной симфонии,
только эти трагические броски и полеты
изнутри артистической страстности
с помощью этих маленьких рук.

1944

КЛЕМЕНСО

"Жизнь прекрасна,
когда видишь её конец",
он смотрел тогда на розы Вандеи.
Дальше:
"Души у людей нет,
но пусть хотя бы было самообладание".

А эта запись выказывает взвешенное чувство:
"Существуют звезды,
потухшие уже 2000 лет назад,
но их свет мы только еще получаем.
Когда задумываешься об этом,
то успокаиваешься абсолютно".

Он знал толк в искусстве.
О соседе по своему имени Моне он писал так:
"Когда бы он прожил еще лет десять,
то ничего бы не понял из того,
что создал,
на его холстах
скорее всего уже ничего и нельзя
было бы увидеть".

Остроумен следующий диалог:
"К.: должно быть он страстный педераст?
М.: нет, он говорит о педерастии,
ничуть не волнуясь.
К.: как, он ни разу не возбудился?"

Относительно нашего своеобразия он шутил:
"немцы увидели,
как хорошенькое, изящное животное
резвилось в воде, и назвали его
морской свиньей".

На место эмфазы приходит перспектива;
когда ему было восемьдесят пять,
он резюмировал:
"Ничто не истинно. Всё истинно.
В этом последний конец мудрости".

Он частенько бывал в Греции,
много чего вывезя оттуда.
Его завещание завершалось словами:
"На мою могилу - мрамор из Эллады".

1944

НЕТ, НЕ ПЕЧАЛЬ

На этой маленькой кровати,
едва ль не детской, Дросте почила
(есть крошечный музей в Мерсбурге,
там она),
на той софе, что в столярной башне -
скончался Гёльдерлин,
а Рильке и Георге, насколько помнится,
в Швейцарии, в палатах санаторных,
а в Веймаре глазища Ницше черные
лежали на подушках белых,
покуда не сомкнулись -
дабы сейчас или уж никогда
не быть здесь хламу этому всему,
невнятному уже, столь иллюзорному,
в распаде вечном столь уже без боли.

В нас всех богов живут здесь семена,
желанья ген и здесь же - смерти;
так кто ж он, разделивший слово с вещью,
зато сведя страдания и место
финальных мук, вот этих досок плоть
с ручьями слез -
наш жалкий дом на несколько часов?

И все ж таки - нет, не печаль.
Ведь разве не бескрайне необъятны,
едва ль не иллюзорны - постель вот эта,
да и эти слезы,
не существует в них уже ни Да ни Нет;
рождение, страданья плоти, вера,
и странствие, что безымянно, промельк
и нечто сверхЗемное,
что во сне вдруг шевельнулось,
поплывшая кровать и снова слезы -
так засыпай!

6.01.1956

128

СМУТНО УЛОВИМЫЕ ПОВЕЧЕРЬЯ ЖИЗНИ

I.

Оставь же, Гендрике, не стоит
драить кафель наш столь истово,
глаза мои питаются собою,
пьют до кончины лишь себя...,
в иных напитках не нуждаясь -,
там Будды статуи,
китайских рощиц боги,
им всем взамен наш мастерок Хульсткамп,
на, получи!

Мне в живопись не превратить
мороза белизну иль ту голубизну,
когда ты на коньках летишь
или когда из зелени ирландской
вдруг пурпур замерцает...
со мною однотонность, а не краски,
то давит тень моя, мой призрак, контур,
не очень-то приятно
столь явно следовать по этому пути.

Величье? Где?
Беру я грифель
и возвожу вещицы кой-какие
на холсте, бумаге
иль выбираю трут другой,
но результатом:
из бронзы Будда вместо духа,
но
пусть даже мой поклон растений царству,
всё гильдии глупцов банкет: равны все жанры!

... Трещат трещотки,
вот барашки блеют,
картинки, что легко перевести,
фламандские, под Рубенса,

129

для внученьки!..
(и для столь же слабоумных!)

Ах - Хульсткамп -
центр тепла,
центр живописи красок,
мой теневой загар -
небритости флюиды возле сердца,
возле глаз...

II.

Камин дымится, -
бормотанье лебеда с Афона -
промокшие поленья,
то пустота братается со сквозняками,
конец всем формам,
перенаселяется Земля
богатым персиков паденьем,
четыре розовых цветка
рго аппо - ,
рассыпаны,
уложены на противни
рукою этой,
морщинистой уже
и с сетью жил и вен!

И все Офелии, Джульетты
с коронами, венцами, посеребрённые,
порой убийственно -
и все их нежные уста и вздохи,
что я из них когда-то извлекал, -
из первых тех актрис -
давно уж дым,
лишь ржавчина, бессилье, пуддинг,
но для крыс
и все ж и Ариэля сердце
вблизи стихий.

Да, черный фрак сняла с себя эпоха.
Что лордов черепа, что черепа прохвостов,
ходы их мыслей,
вгонял их в крайность я -
мои сударики истории творцы,
корон и скипетров невежды,
всё силачи пространства мирового
какмышь летучая или дракон бумажный!

На днях сэр Гун мне написал:
молчанье - вот остаток:
я верю, что оно моё,
моим лишь может быть,
умер Данте, и пустота великая
между столетьями
вплоть до моих цитат из лексиконов,

но когда б их не было,
то не посыпалось бы барахло,
а балаганы, эшафоты, бубенчики
не прозвенели б никогда:
пробелы, бреши?? Быть может,
то дырявости зубные,
но то великий обезьянный прикус
дробил всё дальше
собственную пустоту,
всё дальше измельчая сквозняками -,
промокшие поленья
и сам портье
посапывает в портерных виденьях.

Содержание

Часть первая

"Когда-то ты еще был не собой..."	6
"Все кто жили - те с нами, конечно..."	7
"Всё неизвестность, что б ни тронул ты..."	8
"Когда б не так, то как бы мы здесь жили..."	9
"О даль архивная, туман из грешных книг!"	10
"Рассвет питает очерк фонарей..."	11
"За краской краску здесь кладет не гений..."	12
"Звезда Полынь, упавшая внезапно..."	13
"Почти семь лет как свершился Конец света..."	14
"Поэты очень много ставят на слова..."	15
"Нельзя быть где-то, если ты не здесь..."	16
"А может быть я просто некий жук..."	16
"Как жаждешь вновь невероятно..."	17
"Плоть мира никогда не угасает..."	18
"Жизнь, сплошь утаенная от себя самой..."	19
"Легко сказать, что истина не в Боге..."	20
"Только без слов что-то ты скажешь..."	21
"Вот кто-то сочинить себя собрался..."	22
"А знал ли я того, кто выше речи?"	23
"О молнии молнийной огонь и страсть!"	24
"Сплетенье слов, характеров и снов..."	25
"Попробуй даже удивить кого-то перед ..."	26
"О это око, око, око..."	27
"Что музыка вдруг трогает в тебе?"	28
"Иератически дышать, давая плыть в себе ..."	29
"Мы в нашей иллюзорности пусты..."	30
"Не отдавай себя словам..."	31
Два мотива И-цзин.....	32
"На озере Еловом я был совсем не словом..."	33
"Когда мы постигаемы сверхсловом..."	34

"Я выкарабкиваюсь, да, я выкарабкиваюсь..."	35
"Кто изощрен? Конечно не язык..."	36
"Герои, полубоги жили смело..."	37
"Какое мужество и воля, чтоб не петь..."	38
"Долина скорби, где долина скорби?"	38
"Ты можешь что-то знать лишь о себе..."	39
"Мы говорим из чувства равновесья..."	40
"Кем быть замеченным?"	41
"Тайна цвета уходит в туман..."	42
"Есть долгое прозрачное мышление..."	43
"Есть человек, он пьет вино..."	44
"Отверст как устье раковины рог..."	45
"Приснились три волхва..."	46
"Лестница в небо..."	47
"Сонаты тиглей: плавка речевых эпох..."	48
"Уйти, уехать, исчезнуть!"	49
"Когда на сердце столько простоты..."	50
Лоно.....	51
"Нежность - это конечно река..."	52
"И словоблудием назвав стишки великого поэта..."	53
"Я люблю смотреть, как умирают дети..."	54
"Невыносимость обыденности..."	55
"Десять песен невинности..."	56
"Прощание с Землей; о бедный пафос..."	58
"Есть только Бог..."	60
"Бог Нахтигаль тебя поит водой..."	61
"Какое благо - заблуждаться..."	62
Сон.....	63
"Раз юность - бог, то жалки мира шансы..."	64
"Всех, кому плохо, надо бы пожалеть..."	65
"Нужна отверженность поэту словно воздух..."	66
"Есть это тихое, суровое <i>почти</i> ..."	67
"И вдруг мы понимаем, что ничего кроме ..."	68
"Какая легкость отпускания поводов у поэтов..."	69
"Забыта в снах-садах Орфея..."	70

Часть вторая

"Нет, не друг мой стал печальным тленем..."	71
"Как пуста жизнь все же, как пуста..."	72

"И сколько бы ни длилась жизнь-молитва..."	73
"Изъятые из всех смыслов..."	74
"Играть на инструменте можно учиться..."	75
"Оглушшему: освободись, прости!"	76
"Что проку от наших претензий..."	77
"Волнение дарит только чистота..."	78
"Коль ничего нет в маленьких стихах..."	79
"Если задача поэта - войти в историю поэзии..."	80
"В чем порок красоты?"	81
"Поэт - не человек, а инструмент..."	82
Пересадка	83
"Под иглом жить - вот старый рок России..."	84
"Да да да я здесь я здесь..."	85
"Человек бытия парит..."	86
"Нас несет сила сил..."	87
"Инстинкт поет свое молчанье..."	88
"Вараксинский я помню погреб..."	89
"Конечно, идеальность слов..."	90
"Священно неприметное жилище..."	91
"Всё есть душа, а ей зачем слова?"	92
"Мы столь удаленные судьбы с тобою..."	93
"Человек - промах Бога?"	94
"Спасибо, Господи, за этот день..."	95
Осень	96
"Суть истины - всего лишь росный луг..."	97
"Когда я был, то я наверно не был?"	98
"Я уйду, останусь, я не буду..."	99

Из Готфрида Бенна

Псалмы	100
Угрозы	101
Не в утешенье	103
Видишь: звезды, уловы	104
Ещё раз	105
Кто одинок	106
Жизнь иллюзорнее дымки	106
Куда	107
Кто в сны способен возвратиться	108

Воспоминания	109
Вразной	110
Отчий дом	112
Стихотворение	113
"Есть гибельность, где весь я без обмана..."	114
Действительность	115
Укрой себя	116
Последняя весна	116
Гимн	117
Строй речи	118
Приди же	119
Обломки	120
Мораль художника	121
"Мне встречались люди..."	122
В каждом мгновеньи	123
Шопен	124
Клеменсо	126
Нет, не печаль	128
Смутно уловимые повечерия жизни	129

Николай Ф. Болдырев

Ars moriendi

Книга стихов

Набор, вёрстка, обложка - Евгений Дымов

Корректор Елена Северская

Свёрстано: февраль 2024

Бумага офсетная

Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ПКФ "Тираж Сервис"
Челябинск, Энтузиастов, 19